

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-852-868>
EDN: LBQJQS

Научная статья / Research Article

Прагматика метафоры в языке права: гносеологический аспект

И.А. Ярошук

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация
 yaroshchuk@bsuedu.ru

Аннотация. Язык права определяется в качестве естественного, самостоятельного регулятора и репрезентанта элементов правовой системы, государственно-правовых реалий, лексический аппарат которого структурируется не только посредством слов с прямым значением, но и с помощью лингвистических продуктов вторичного семиозиса, в частности, метафоры. Проблема использования метафоры в языке права является малоизученной в силу того, что вопрос о допустимости метафоры в юридической науке стоит достаточно остро и решается, как правило, не в пользу данного языкового явления как полноценной единицы лексической системы права. Цель исследования – анализ прагматического потенциала метафоры в языке права в качестве средства юридической техники в условиях нейтрализации ее экспрессивных коннотаций и приобретения данным языковым явлением статуса стереотипного выражения за счет активизации гносеологической функции. Методологическая база представлена лингво-юридическим, логико-языковым методом, методом исторического, системного и контекстуального анализа. Констатируется, что метафора – одно из ведущих логико-языковых средств в праве и юридической науке, которое в силу активизации своего прагматического и гносеологического потенциала в строгих контекстуальных условиях обеспечивает смысловую доступность абстрактных понятий правовой действительности, позволяет апеллировать априорными начальами права, делая текст нормативного документа доступным для понимания. Будучи прочно закрепленными в понятийно-языковой системе права, метафоры с учетом частотности употребления обретают свою собственную «жизнь». Без отдельных метафор уже невозможно восприятие правовой действительности, равно как и реализация научно-правового познания в целом («правовое пространство», «правовая материя» и др.). Метафоры в праве репродуцируются, как правило, в виде идiomатизированных лексических единиц терминологического уровня. Оказывая прямое влияние на формирование юридических понятий, метафора ориентирует на известный опыт и за счет наделения объекта правовой регламентации конкретными признаками способствует его адекватному интерпретированию. Формулируется вывод, что прагматический потенциал метафоры в аспекте ее гносеологической функции является одним из ведущих критериев использование данного лексического феномена в качестве логико-языкового средства моделирования текста права.

Ключевые слова: правовой текст, средство юридической техники, метафорическая модель, гносеологическая функция метафоры, прагматическая функция метафоры

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья является продолжением исследования метафоры в праве: Яроцук И.А. Метафоры в праве: методологические основания исследования // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 3. С. 596–610; Яроцук И. А. Метафора в языке права: условия допустимости // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2023. Т. 48. № 4. С. 726–734; Яроцук И. А. Метафорическая модель семантизации идей права // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 1. С. 29–44.

Поступила в редакцию: 19 февраля 2025 г.

Принята к печати: 15 октября 2025 г.

Для цитирования:

Яроцук И.А. Прагматика метафоры в языке права: гносеологический аспект // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 4. С. 852–868. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-852-868>

The Pragmatics of Metaphor in the Language of Law: Gnoseological Aspect

Inna A. Yaroshchuk

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation

 yaroshchuk@bsuedu.ru

Abstract. The language of law functions as a natural, independent regulator and representative of elements within the legal system and state-legal realities. Its lexical apparatus is structured not only by words with direct meanings but also by linguistic products of secondary semiosis, particularly metaphor. The use of metaphor in legal language remains understudied, largely because its admissibility in legal science is a pressing issue generally resolved against recognizing metaphor as a full-fledged unit of the legal lexical system. This study aims to analyze the pragmatic potential of metaphor in legal language as a tool of legal technique focusing on the neutralization of its expressive connotations and its acquisition of stereotypical status through the activation of its epistemological function. Methodologically, the research employs linguo-legal, logical-linguistic methods, and historical, systemic, and contextual analysis. It is argued that metaphor is among the leading logical-linguistic devices in law and legal science. By activating its pragmatic and epistemological potential under strict contextual conditions, metaphor ensures the semantic accessibility of abstract legal concepts, appeals to a priori legal principles, and enhances the comprehensibility of normative texts. Firmly embedded in the conceptual-linguistic system of law, metaphors, due to their frequent use, acquire a “life” of their own. Without certain metaphors, understanding legal reality and achieving scientific-legal knowledge would be impossible; expressions such as “legal space” and “legal matter” exemplify this. In law, metaphors are typically reproduced as idiomatic lexical units at the terminological level, influencing the formation of legal concepts by orienting understanding toward known experiences and endowing regulated objects with specific characteristics for adequate interpretation. It is concluded that the pragmatic potential of metaphor, particularly epistemological function is one of the leading criteria for the use of this lexical phenomenon, is among the primary criteria justifying its use as a logical-linguistic means of legal text modeling.

Key words: legal text, means of legal technique, metaphorical model, epistemological function of metaphor, pragmatic function of metaphor

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

This article is a continuation of the study of metaphor in law: Yaroshchuk, I. A. (2022) Metaphors in law: methodological grounds for research. *RUDN Journal of Law*. 26 (3), 596–610; Yaroshchuk, I. A. (2023) Metaphor in the language of law: conditions of admissibility. *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right*. 48 (4), 726–734; Yaroshchuk, I. A. (2024) Metaphorical model of semanticization of ideas of law. *RUDN Journal of Law*. 28 (1), 29–44.

Received: 19th February 2025

Accepted: 15th October 2025

For citation:

Yaroshchuk, I.A. (2025) The Pragmatics of Metaphor in the Language of Law: Gnoseological Aspect. *RUDN Journal of Law*. 29 (4), 852–868. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-852-868>

Введение

Проблема, концентрирующая наш исследовательский интерес, связана с осмыслением pragматического потенциала метафоры в языке права с позиций гносеологического аспекта как ведущего критерия ее допустимости. Традиционное научно-правовое «игнорирование» метафоры в качестве логико-языкового средства юридической техники во многом определяется имеющимися методическими правилами и рекомендациями, соблюдение которых диктует запрет на использование изобразительно-выразительных средств (эпитетов, метафор, гипербол и др.) в текстах законодательных актов¹. Однако обращение к современному законодательству репрезентирует парадоксальную картину: частые отступления от рекомендаций строгой лексической селекции юридического языка. В частности, не реализуется требование исключения стилистических фигур и тропов, среди которых – метафоры. Метафоры в праве обладают важным свойством: зачастую законодатель использует их, не осознавая этого, так как метафоры прочно интегрированы в понятийный аппарат права, наполненный явными и завуалированными метафорами.

Парадоксальность ситуации нивелируется более глубоким научно-лингвистическим ракурсом анализа рассматриваемой проблемы. Результаты исследований, представленные работами ученых, репрезентируют подход, согласно которому наличие метафоры в правовом тексте является скорее закономерностью, чем исключительным случаем. И это, на наш взгляд, напрямую связано с реализацией гносеологического и pragматического потенциала метафорической концептуализации языка права, когда интерпретация правовых явлений осуществляется на основе уже имеющихся знаний, закрепленных за определенными языковыми структурами. О метафоре как языковом явлении, обладающем гносеологическими возможностями, писал Г.Г. Кулиев, отмечая, что «метафора «вычертывает» фундаментальную информацию из глубинных уровней субъективного мира и трансформирует в объективированные формы знания (теорию, модель)» (Kuliev, 1987:131).

Метафора – один из важнейших логико-языковых феноменов в праве и юридической науке, наряду с гносеологической функцией выполняющее pragматическую функцию: номинируя правовые реалии, позволяет обратиться к общему для нормодателя и реципиента фонду знаний, формируя тем самым общий семантический остов, с опорой на который осуществляется понимание сложных правовых реалий («политическое убежище», «подрыв безопасности государства», «разжигание межнациональной розни» и др.).

---

¹ П. 20 Приказа Минюста РФ № 3, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ № 51 от 10.01.2001 «Об утверждении Методических правил по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти»; п. 3.24 Рекомендаций по подготовке и оформлению проектов Федеральных законов: Письмо Министерства юстиции РФ (Минюст России) от 23 февраля 2000 г. № 1187-ЭР и др.

На наш взгляд, исследование метафоры в языке права как языкового феномена, реализующего свой гносеологический и прагматический потенциал, должно осуществляться с позиций метатеоретического уровня познания, учитывая комплекс универсальных принципов, норм и идеалов, составляющих основы фундаментальных положений научных теорий. Метафора синтезирует уровни сознательного и бессознательного, мышление и внешний мир, выступая тем однородным массивом действительности, который, в соответствии с феноменологией Мартина Хайдеггера, является «предобъектным», формирующим базисом всех способов познавательной деятельности (Heidegger, 1970).

Исходя из вышесказанного, полагаем, что строгое следование правилу о запрете использования метафоры не всегда возможно и целесообразно. Более того, метафоры в языке права обеспечивают реализацию таких обязательных требований, как точность и ясность.

Базисные понятия исследования

Язык права. Разделяя научный подход А.С. Пиголкина, А.Ф. Черданцева, Н.А. Власенко, М.В. Баранова, занимающего традиционно-лидерующие позиции в обосновании самодостаточной роли языка права в структурировании законодательной и правовой системы в целом, определим существование двух ключевых понятий – «правовой язык» и «язык права» (Vlasenko, 2022:14). В первом случае речь идет о лексическом потенциале юриспруденции в целом, о так называемом метаязыке (языке науки и юридической практики), в котором находит свое отражение язык права как объектный язык, представляющий собой обязательный компонент самого права и реализующий таким образом один из его смысловых ракурсов. Язык права является составляющим звеном правовой лингвистической цепи правового языка, он свойственен юридической науки в целом. Его исследованием занимались и продолжают заниматься такие ученые, как А.Ф. Черданцев (Cherdantsev, 2012), А.С. Пиголкин (Pigolkin, 1990), Н.А. Власенко (Vlasenko, 2022), А.Н. Шепелев (Shepelev, 2002), Г.Т. Чернобель (Shepelev, 2017), Е.А. Крюкова (Kryukova, 2003), В.Ю. Туранин (Turanin, 2017), Т.В. Губаева (Gubaeva, 1996) и др. Исследователи сосредоточивают свое внимание на отдельных аспектах языка права, начиная с его терминологической и лексической системы в целом, заканчивая исследованием стилистических и синтаксических условий его функционирования.

В рамках семиотического подхода, предоставляющего широкий инструментарий для анализа языка как сложной структуры знаков, состоящей из взаимосвязанных элементов, такой специфический объект исследования, как язык права, рассматривается нами в качестве системы, конструируемой посредством языковых знаков, являющихся материальными носителями идеальных сущностей. Займствованные и актуализированные семиотикой такие понятия структурализма и постструктурализма, как конструкция, конструирование, деконструкция, имеют прямое отношение к пониманию смысла языковых выражений в праве.

Текст права. Понятие текста права не является тождественным понятию языка права, поскольку это «одна из жизненных форм права» (Vlasenko, 2022:15). Текст права рассматривается нами в качестве формы проявления права, способа его выражения. К правовым текстам относим: нормативные и индивидуальные правовые акты, комментарии к Конституции Российской Федерации и т.д.

Концептуальная метафора. Процесс концептуализации при формировании языковой системы права представляет собой сложную ментальную процедуру, задействующую универсальные метафорические модели, поэтому в качестве основы методологической теории анализа метафоры в праве нами принимается теория концептуальной метафоры, впервые представленная Джорджом Лакоффом и Марком Джонсоном (Lakoff, 2004). В соответствии с научной позицией указанных авторов, а также целого ряда исследователей (Chudinov, 2001; Mishankina, 2010), концептуальную метафору мы понимаем в качестве основанной на аналогии фундаментальной когнитивной модели, посредством которой осуществляется познание объектов, явлений, отношений действительности с опорой на знания о других объектах, явлениях, отношениях действительности, как «устойчивое соответствие между областью источника и областью цели, фиксированное в языковой и культурной традиции данного общества» (Lakoff, 2004:11). Данная модель получает свое регулярное выражение в языке права в виде системы метафорических номинаций. При этом концептуальная метафора получает широкие возможности языковой реализации, участвуя в выстраивании текста нормативно-правового акта.

В статье исследование метафоры осуществляется с позиций ее функционального аспекта в русле теории блэндинга, или теории концептуальной интеграции, разрабатываемой с середины 90-х гг. XX века М. Тернером и Ж. Фоконье (Lakoff, 1998:133–187) на основе теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, отдельные положения которой подвергались переоценке. При этом понимание самого процесса метафоризации не ограничиваем смысловой проекцией из сферы-источника в сферу-мишень. Мы рассматриваем процесс метафоризации как включающий в себя формирование смешанных ментальных пространств, генерирующих новые смыслы в последовательности стадий концептуальной интеграции.

Продемонстрируем метафорическую модель нескольких пространств (*many-space model*) теории блэндинга М. Тернера и Ж. Фоконье на примере анализа метафоры «смягчение наказания» («Каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также право просить о помиловании или смягчении наказания²»). Смягчение наказания – назначение виновному лицу менее строгого наказания или минимального наказания в пределах санкций статьи, по которой квалифицируется преступление.

«СМЯГЧЕНИЕ – процесс действия по гл. «смягчить».

СМЯГЧИТЬ

1. что. Сделать более мягким, гибким, лишив жесткости, грубости. Смягчить кожу выделкой.

2. перен., что. Придать более легкую форму, сделать менее суровым, менее тяжелым. Смягчить приговор. Смягчить вину.

3. перен., что. Ослабить, умерить. Смягчить боль.

|| перен. Укротить, умерить; Сделать более мягким, кротким. Смягчить гнев. Смягчить жестокость. Смягчить сердце».³

«НАКАЗАНИЕ

1. Процесс действия по знач. глаг.: наказать.

² Ст. 50 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М.: Рус. яз., 2000. 1209 с.

2. Мера воздействия против совершившего преступление, проступок; взыскание, налагаемое на него; кара. // перен. Расплата, возмездие.

3. перен. разг. Что-л. тягостное, неприятное для кого-л.».⁴

Лексикографический анализ репрезентирует, что в понятие «смягчение наказания» словоформа «смягчение» включается в переносном лексико-семантическом варианте – «придать более легкую форму, сделать менее суровым, менее тяжелым».

Для объяснения сложного комплекса процессов метафоризации рассматриваем четыре ментальных пространства:

а) два исходных пространства (input space), которые соотносятся:

– со сферой-источником (действие по глаголу «смягчить»);

– со сферой-мишенью (мера воздействия против совершившего преступление);

б) общее метафорическое пространство (generic space) содержит наиболее абстрактные элементы, присущие обоим исходным пространствам. В нем концептуальная интеграция сопровождается фузией (fusion) элементов исходных пространств.

в) смешанное пространство (blended space) – итоговый метафорический бленд («смягчение наказания») представляет некий «сплав», соотносимый и исходными пространствами.

Метафорическая модель. Уместность употребления термина «модель» обусловлена возникновением концепции языкового миромоделирования, суть которой заключается в том, что наше сознание не перципирует действительность непосредственно, восприятие мира обладает модельной природой, опосредующей объективную реальность и человека. Принцип объективности мира есть результат схожести данной модели мира у членов социальных групп, во многом определяемый общностью языка.

Идея о различном видении мира, о специфике и вариабельности его восприятия для целой этнической группы берет свое начало в лингвофилософских рассуждениях И.Г. Гердера: «...Каждый народ... говорит так, как думает, а думает так, как говорит <...> Каждая мысль зависит от языка, на котором она формулируется» (Herder, 1985:375).

Попытка постижения новых смыслов права представителями общества во многом облегчается благодаря использованию знакомых языковых образов и представлений, что происходит благодаря метафоре, когда переносятся свойства и характеристики из одной области, которую хорошо понимает референт, в новую, неизвестную понятийную сферу права. Таким образом, с опорой на уже имеющиеся знания и языковые ассоциации создается правовой образ.

Метафорическая модель – это чрезвычайно гибкий и распространенный способ познания. Будучи особым когнитивным инструментом, метафора позволяет интерпретировать правовые понятия. Вместо оперирования сугубо абстрактными определениями, используются наглядные метафорические модели, позволяющие понять и осмыслить сложные правовые явления, связать абстрактные понятия с конкретными, знакомыми образами, облегчая процесс правового познания и делая его более эффективным.

---

⁴ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М.: Рус. яз., 2000. 1209 с.

Метафора в свете современной науки

Формирование научных процессов языковой деятельности и предполагающих их системы понятий определяется одной из ведущих целей подобного конструирования, связанной с познанием мира, проецирующим особое ментальное пространство, в котором разрабатываются специфические модели гипотетического постижения объектов и явлений действительности, фокусирующих исследовательский интерес. Одной из ведущих гипотетических моделей научного познания новых объектов, явлений, отношений действительности является метафорическая модель. Оценка функционирования метафор в языковом пространстве науки во многом определялась конкретным историческим периодом развития и теми идеалами и ценностями, которые для него характерны. Так, впервые актуализация гносеологической значимости метафоры обнаруживается в русле философии Средневековья с позиций ее когнитивного потенциала относительно постижения божественной природы сверхчувственного мира, когда отрефлексированная гносеологическая сущность метафоры определяла ее понимание как средства познания.

Научные взгляды на метафору как гносеологический механизм получают свое развитие только в XX веке, который внес кардинальные коррективы в исследовательский ракурс понимания природы метафоры. Именно прошлое столетие явилось тем переломным этапом, который обозначил смену направления научного вектора в отношении метафоры, раскрыв новые потенциалы данного языкового феномена, среди которых определяющее значение имеют гносеологическая и прагматическая функции, находящие свою прямую реализацию в языке науки.

Многовековая традиция рассмотрения метафоры как атрибута исключительно поэтической, художественной языковой материи себя исчерпала, уступив место приоритетному направлению исследовательской мысли в отношении метафоры как номинативного феномена, функционирующего в качестве регулярной модели смыслопорождения в процессе познания.

Таким образом, настоящая история метафоры берет свое начало в прошлом столетии, когда метафора становится самостоятельным объектом исследования целого ряда научных дисциплин (Konstantinova, 2011:11). Само понятие метафоры подвергается трансформации по сравнению с ее традиционным пониманием. В частности, когнитивная концепция меняет исследовательское направление в отношении метафоры: от рассмотрения ее как языкового феномена – к ее изучению как психического феномена.

Актуализация прагматического и гносеологического потенциала метафоры осуществлялась силами целого конгломерата научных областей: теорией познания, аналитической философией, феноменологией, когнитивной и структурной лингвистикой, семиотикой (Mishankina, 2010:117), что, с опорой, прежде всего, на философское понимание, в полной мере позволяет наделить метафору фундаментальным статусом психического, ментального механизма концептуализации действительности в процессе человеческого мышления в целом и, в частности, в процессе научного познания.

В качестве языкового феномена, реализующего свой прагматический и гносеологический потенциал, метафора имеет непосредственное отношение к проблеме познания и понимания. Язык, отражая ценностные социальные, культурные, правовые и иные сформировавшиеся в условиях общности истории установки, являясь одновременно их символическим средством выражения, связан с целостной системой

психологических явлений, присущих данному обществу, объединенному определенной территорией, организация жизнеустройства на которой относится к прерогативе государства. В этом отношении, с одной стороны, метафора выполняет функцию языкового механизма, маркирующего единство знаний о мире и его вербальную выраженность, что позволяет посредством ее изучения постигать сами процессы познания. С другой стороны, метафора обогащает арсенал языковых возможностей, способствуя более точной интерпретации номинируемых объектов, явлений, отношений.

Таким образом, в современной науке метафора интерпретируется с различных подходов: от толкований с позиций классической науки, постулирующей ее в качестве девиантного эпистемологического языкового образования, до постмодернистских определений метафоры как единственного возможного языкового средства репрезентации знаний; от строгого сужения сферы ее употребления и полного исключения из языка науки до совершенной легитимизации метафоры как инструмента познавательной деятельности.

Метафорическая модель в языке права

Центральное положение метафорической модели в языке права определено теми причинами, которые имеют непосредственное отношение к его специфике. В целях вербализации новых правовых реалий, адекватного понимания и адаптации ранее неизвестного знания к целостной правовой системе привлекается метафорическое моделирование. Метафорическая модель выполняет функцию объединяющего ментального поля, которое, следуя концепции Ж. Фоконье и М. Тернера, синтезирует понятийные области простейших систем и репрезентирует новую версию реальности (Fauconnier, 1998:133–187), смоделированную метафорой, отличающуюся новообразованными свойствами, не характерными для исходных взаимодействующих понятийных систем.

Информационная емкость метафорической модели в языке права имеет непосредственную связь с особенностями моделирования, среди которых следующие:

1. Интегративное сочетание двух полярных способов постижения действительности – интуитивного и рационального, что отличает именно метафорическое осмысление мира. Уровень интуитивного способа познания правовых реалий репрезентирован бессознательным обнаружением уже имеющегося в опыте надлежащего образа, который на логическом, рациональном уровне конструируется, совершенствуется и приспосабливается к репрезентации модели объектов и отношений правовой действительности.

2. Синтетическая структура метафорической модели, концентрирующая известное, опорное знание, и неизвестное, получающее определение посредством метафоры, процесс моделирования которой представляет собой напряженную работу сознания, исключающую мыслительные схемы шаблонного типа.

3. Метафорическое моделирование в языке права осуществляется за счет выбора именно той языковой структуры, которая является носителем признака, имеющего первостепенное значение для индикации свойств объектов или отношений правовой действительности, когда образ целостной правовой ситуации выстраивается за счет ассоциативных связей. Метафорическая модель органически встраивается в правовой текст посредством минимального количества языковых

структурных элементов, содержащих в свернутом компактном виде латентную информацию и бесконечное множество смысловых составляющих, репрезентирующих ситуацию правовой реальности.

4. Эвристичность метафорической модели: способность к репрезентации новых знаний посредством обнаружения неизвестных ранее свойств и закономерностей между объектами, явлениями, отношениями действительности и правовыми реалиями. При этом сама метафора и контекстуальные условия ее реализации способствуют структурированию образа именуемого явления, что ведет к особой информационной емкости.

Познание нового объекта правовой реальности осуществляется как сопоставление «ментальной модели» (Johnson-Laird, 1988:234–257) познаваемого и базовых когнитивных моделей социального, психологического опыта нормодателя. Определяющей характеристикой познания при этом является его метафорическая природа, репрезентированная типичными чертами инсайта как одной из стадий интуитивного постижения правовой действительности, когда на происходящие когнитивные процессы экстраполируется метафорический механизм. При этом развитие энергетического потенциала сопутствует эмоциональной напряженности индивида, интенциональная направленность сознания которого модифицирует накопленную информацию. В условиях отсутствия контроля сознания аффектные стратегии активизируют возникновение иконических образов, репрезентирующих подобные когнитивные связи. В результате осуществляется перекомбинация имеющихся установок когнитивного уровня, упорядочивающих последующий мыслительный процесс (Dmitrieva, 2000:15–16). Нетрадиционная предикация является итоговым продуктом схематизации, осуществляющей на верbalном уровне, что способствует закреплению в языке права ранее отсутствовавших значений.

Процесс сопряжения образов двух никак не связанных в действительности явлений, объектов, признаков, формирующих метафорическую модель, в нормативно-правовом тексте имеет гносеологическую направленность, не исключающую экспрессивного напряжения, порожденного эффектом предельной наглядности и образности, способствующих большей доступности мысли, формулируемой законодателем, что, в свою очередь, наделяет метафору статусом эффективного аксиологического средства. Более того, метафора, выполняя роль пускового механизма процесса сравнения свойств, признаков объектов и явлений, экспонирует тем самым их сходство и различие, что проецирует формирование рационального уровня мышления в силу отделения признаков от объектов, подвергшихся метафорическому сопоставлению.

Гносеологический аспект метафоры в языке права

Правовое познание как совокупность когнитивных процессов, направленных на изучение, сбор, обобщение, систематизацию, анализ реалий, требующих законодательного регулирования, рефлексируется как система представлений о правовой действительности, базирующаяся на рациональной интерпретации фактов в строгой логической их организации. Результаты правового познания, оформленные в виде правового текста как особого концептуального мира, олицетворяющего область должного, являются результатом деятельности законодателя.

Лингвистическое моделирование языка права имеет свою уникальную специфику, заключающуюся в том, что его семантический уровень, представляющий

собой своеобразное ментальное пространство, формируется с помощью лингвистических средств естественного языка. В этом контексте ключевую роль играет концептуальная метафора, которая выполняет гносеологическую функцию, то есть способствует познанию и осмыслинию правовых понятий и явлений. Таким образом, процесс формирования языка права включает в себя использование метафорических структур, которые помогают лучше понять и интерпретировать правовые нормы и концепции. Эти метафоры действуют как инструменты, позволяющие связывать абстрактные юридические идеи с более привычными и понятными образами, что делает правовой язык более доступным для восприятия. Метафора выступает как связующее звено между сознанием и бессознательным, позволяя фиксировать новые правовые смыслы и обеспечивать процесс познания.

В гносеологическом аспекте метафора формирует недостающие языку права значения и способствует тому, чтобы ни один объект, отношения не остались без обозначения. Метафора тем самым наряду с другими лексическими единицами участвует в формировании языковой материи правового текста, в репрезентации правовой действительности.

Определение гносеологического статуса метафоры в языке права реализуется с позиций лингвофилософских научных моделей, имеющих различную методологическую концепцию и включающих аналитический, когнитивистский подход, а также герменевтическую парадигму исследования (Beresneva, 2017:24), что находит корреляцию с целым конгломератом вербально репрезентируемых в языке права элементов правовой системы.

Современный переход на новый уровень эпистемологической стратегии, обозначенный прошлым столетием, проецирует научную модель, в которой метафора рассматривается как ведущий гносеологический механизм. Однако это не означает наделение метафоры безграничной методологической свободой, ее неподчинение общепринятым нормам стилистики и языка; это принципиально новый уровень мыслительных процедур оперирования информацией.

Осмысление метафоры с позиций ее гносеологической значимости впервые было реализовано средневековой философией, когда на первый план изучения данного языкового феномена выдвигался познавательный потенциал, в связи с чем метафора рассматривалась в качестве средства познавательной деятельности (Ermolenko, 2001). Несмотря на научный интерес к метафоре, ее роль в познании оставалась долгое время в тени ее экспрессивной функции. Лишь в работах ученых XX века метафора начала рассматриваться как инструмент познания. Хосе Ортега-и-Гассет в своей известной работе «Две великие метафоры» утверждал, что метафора является «формой научного мышления» и «незаменимым орудием мысли» (Ortega-i-Gasset, 1990:68).

Гносеологическая функция метафоры в русле правового познания заключается в том, что метафора является неотъемлемым механизмом познавательной деятельности, инструментом постижения гипотетического, неявного и нового знания, средством его осознания, объяснения и репрезентации в тексте права, фиксирующего волю и интересы нормодателя, воплощающихся впоследствии в общественную практику.

Метафора закрепляет признаки отвлеченных понятий, тем самым определяя для себя функцию ведущего лексического инструмента моделирования правового познания, именно язык права интенсифицирует гносеологический потенциал метафоры.

Метафора в языке права репрезентирует свойства и устройства абстрактных объектов, раскрывая свою гипотетическую сущность, способствующую упрощению процесса решения познавательных задач (Petrov, 1985:196–220).

Прагматический потенциал метафоры в языке права

Функциональная особенность правовой системы определяет строгий отбор используемых ею логико-языковых средств, среди которых ведущей ролью обладают те феномены, посредством которых реализуется прагматическая функция языка (Cherdantsev, 2012:14).

Прагматические параметры языка права актуализировались в научно-исследовательской среде сравнительно недавно несмотря на то, что языку вообще и языку права в особенности, свойственна интенциональность: язык права выражает цель, формируемую сознанием и волей нормодателя, но полностью свободную от каких бы то ни было индивидуально-психологических факторов (Kornev, 2023:8–17). В отношении данного понятия как одной из ключевых категорий феноменологии основатель данного философского течения, Эдмунд Гуссерль, указывал, что интенциональность – это «свойство переживания «быть сознанием чего-либо» (Kornev, 2023:8–17). Текстопорождение права отличается критериями институциональности, определяемыми следующими целями:

- объективность, систематичность, методичность, максимально полное эксплицирование информации;
- строгая жанровая определенность, репрезентирующая волю и интересы нормодателя;
- семантическое и формальное структурирование содержательной сферы, взаимообусловленное со стилем (Pigolkin, 1990:18–35).

Основной целью правотворческой деятельности является создание объективной нормы, которая будет иметь всеобъемлющий характер и приниматься всеми субъектами права. Это определяет необходимость подхода, ориентированного на объективность, систематичность и методичность, а также стремление к максимально полному и ясному выражению информации в правовых текстах. В результате такой установки на правовую ясность и точность, вопрос о прагматических аспектах языка права долгое время оставался в тени и не привлекал должного внимания. Тем не менее, если обратиться к работам Чарльза Сандерса Пирса (Pirs, 2000), который является основателем прагматизма и семиотики, можно увидеть, что он определяет прагматический аспект знаковых систем через реализацию триединства: семантика, синтаксика и прагматика. Это триединство особенно важно для понимания познавательной функции, присущей правотворческой деятельности (Goryushina, 2021:167). Эта функция формирует систему правовых регуляторов, которые, в свою очередь, тесно связаны с семиозисом – процессом, в котором знаки и субъекты, которые с ними работают, образуют взаимосвязь.

Объективное знание о мире, а также о различных аспектах человеческой жизни и общества, которые имеют отношение к правовой сфере, является результатом семиотического контракта внутри социума. Это означает, что знаки, используемые в правовых текстах, и субъекты, которые их интерпретируют, находятся в постоянном взаимодействии. Таким образом, нельзя игнорировать прагматику в процессе познавательной деятельности и создании правовых текстов. Прагматика играет ключевую роль в том, как мы понимаем и интерпретируем правовые нормы. Она помогает установить контекст, в котором эти нормы действуют, и определяет, как они

воспринимаются различными субъектами права. Это взаимодействие между знаками и их значениями, а также между текстами и их интерпретаторами, является важным аспектом правотворческой деятельности, который необходимо учитывать для более глубокого понимания языка права и его функций.

Таким образом, правотворческая деятельность не может быть полностью эффективной без учета прагматических аспектов языка права. Это подчеркивает важность комплексного подхода к правовым текстам, который включает в себя не только их семантическое содержание, но и контекстуальные факторы, влияющие на их восприятие и применение.

В аспекте прагматической основы языка права ключевой текстообразующей ролью обладает метафора как языковое средство структурирования информации о правовых реалиях и их имплицитной оценки. Именно метафора в качестве средства семантической инновации является одним из ведущих способов реализации прагматической функции языка права, средством выражения правовых ценностей, сопряжения чувственного и рационального уровней восприятия, позволяющее связывать язык наблюдения и язык теории, преодолевая их резкое различие.

Правовое регулирование – это сложный и многогранный процесс, который играет ключевую роль в формировании правовой реальности. Важнейшими аспектами этого процесса являются соблюдение доминирующих принципов, служащих ориентиром для законодателя, и обеспечение «эпистемного доступа» (Boyd, 1993:481–533) к правовым нормам. Эти принципы обусловливают гармоничное взаимодействие между правом и обществом, а также способствуют созданию справедливой и устойчивой правовой системы.

– Принцип законности. Все акты правового регулирования должны основываться на законах и соответствовать им. Это гарантирует, что действия государства и его органов будут предсказуемыми и прозрачными.

– Принцип справедливости. Законодатель должен стремиться к тому, чтобы нормы права обеспечивали равенство всех граждан перед законом и защищали их права. Это создает доверие к правовой системе и способствует социальной стабильности.

– Принцип доступности. Нормативные акты должны быть написаны понятным языком, чтобы общество могло легко их понимать и применять. Это связано с понятием эпистемного доступа, которое подразумевает возможность получения знаний о правовых нормах и их значениях.

Эпистемный доступ – это способность граждан и правовых регуляторов получать и осваивать информацию о правовых нормах. Он напрямую связан с гносеологическим комфортом, который подразумевает удобство и легкость восприятия правовой информации. Законодатель, создавая нормативные акты, должен учитывать, что сложные термины и юридические понятия могут затруднить их интерпретацию. Поэтому важно, чтобы правовые тексты были не только юридически корректными, но и доступны для широкой аудитории.

Привлечение метафорических моделей в сферу правового познания и, соответственно, правового текста определяется тем, что метафора как мыслительный процесс, основанный на аналогии, в полной мере удовлетворяет критерию «гносеологического комфорта». Наибольшей значимостью она обладает в отношении именования ранее неизвестных правовых реалий (Petrov, 1985:196–200).

Отсюда следует корреляционная зависимость уровня фоновых знаний и эпистемного доступа: чем богаче диапазон фоновых знаний, к которым обращается законодатель, тем шире познавательная доступность объекта правового регулирования

для адресата. Сказанное определяет два важнейших критерия введения метафоры в язык права. Первый критерий заключается в том, что метафора должна быть связана с набором социально-культурных знаний, которыми обладают адресаты. Это необходимо для того, чтобы новое правовое название было понято и воспринято успешно в процессе коммуникации. Второй критерий касается способности языкового выражения, которое возникает в результате вторичного семиозиса (то есть процесса создания новых значений на основе уже существующих). Это выражение должно быть способно адекватно передать новое правовое значение.

Таким образом, успешное введение метафоры в правовой язык зависит как от культурного контекста, так и от точности передачи новых понятий.

С данного научного ракурса метафорическая концептуализация представляется в качестве продуктивного механизма, концентрирующего значительный объем новой информации о правовых реалиях и отношениях в уже известных носителях языка языковых структурах.

Прагматический потенциал метафоры позволяет обратиться к общему для нормодателя и реципиента фонду знаний и тем самым создать своего рода общую понятийную платформу, опираясь на которую последний может понимать текст нормативного документа.

Эпистемологические механизмы метафоры в языке права активизируют прагматический потенциал данного языкового средства. Метафора способна выполнять целый набор прагматических функций, среди которых:

- индикативная функция, проецирующая первичное наименование объекта, явления, процесса правовой действительности, вызванное отсутствием в лексическом арсенале права буквального средства номинации;
- информативная функция – передача рациональной информации;
- апеллятивная функция, когда метафора в правовом тексте употребляется для преобразования существующей в сознании реципиента картины мира в целях восприятия правовой информации, формирования у него необходимого правового знания;
- интеграционная функция, направленная на повышение запоминаемости правового текста за счет образности, создания связей между многомерными смысловыми конструкциями, интегрирующими в себе идеи конкретного правового явления, процесса, его ценность и логико-понятийное выражение с ранее полученными знаниями.

Прагматическая природа метафоры позволяет нормодателю достигать своих целей, формируя представления о правовых реалиях в сознании получателя информации.

Первым шагом в понимании прагматической природы метафоры является анализ ее мотива. Метафоры в праве используются для упрощения сложных юридических концепций. Цель метафоры в праве заключается в достижении эффективной коммуникации. Нормодатель, используя метафоры, стремится донести свои идеи до широкой аудитории. Тактика, используемая при создании метафор, требует тщательного выбора как формы, так и содержания языковых единиц. Это включает в себя не только выбор слов, но и их контекстное расположение.

Метафора способствует образованию новых значений и интерпретаций, что особенно актуально в условиях постоянно меняющегося законодательства. Во-вторых, метафоры помогают структурировать информацию, делая ее более логичной и последовательной. Наконец, они могут служить инструментом убеждения, подчеркивая важность тех или иных правовых норм и побуждая к действию.

Прагматическая природа метафоры в праве является важным аспектом, который способствует достижению коммуникативных целей нормодателя. Через мотив, цель и тактику метафора становится неотъемлемой частью языковой структуры права, позволяя формировать представления о правовых реалиях в сознании получателя информации. Успешное использование метафор требует внимательного подхода и глубокого понимания как языковых, так и культурных особенностей аудитории, что в конечном итоге ведет к более эффективному правовому общению, когда метафора становится инструментом, который помогает формировать представления о правовых реалиях в сознании получателя информации.

Абстрактность правовых понятий создает уникальные условия для функционирования метафоры в языке права. Это происходит благодаря ее функциональным возможностям и широкому семантическому потенциалу, который позволяет ей эффективно отражать динамичную и разнообразную правовую реальность. Метафора, выступая в качестве средства познания, предоставляет возможность рассматривать общественные отношения и их субъекты через призму системы, которая относится к другой, более понятной опытной сфере. В этой системе правовые реалии представлены более очевидно и наглядно, что облегчает их восприятие и понимание.

Когнитивный механизм метафоры играет важную роль в процессе перекодирования новых, ранее неизвестных понятий в более доступные для осмыслиения концепции. Это позволяет установить прочную связь между абстракциями правовых реалий и конкретной социальной действительностью. Таким образом, метафора служит связующим звеном, которое помогает лучше понимать сложные правовые идеи и нормы, используя более привычные и знакомые образы.

Хотя основными функциями метафоры в правовом языке являются гносеологическая и прагматическая, ее образный характер не теряется. Он сохраняется, что позволяет выражать мысли кратко и наглядно. Это делает метафору особенно ценным инструментом в правовой коммуникации, так как она помогает законодателю более эффективно доносить свои идеи.

Когда метафора попадает в правовой контекст, она с ним ассилируется, приобретая новую языковую жизнь. Это означает, что она начинает функционировать в рамках правовой системы, адаптируясь к специфике юридического языка. В конечном итоге, метафора в языке права служит мощным инструментом для формирования и передачи знаний, что делает ее незаменимой.

Заключение

Правовой текст как одна из важнейших жизненных форм права рефлексирует как система представлений, базирующихся на рациональной интерпретации фактов в их строгой логической организации, являющихся неотъемлемыми составляющими не только правовой, но и языковой культуры общества в целом. Языку права свойственна высокая степень абстрактности, но вместе с тем вербализованные объекты правового регулирования обладают достаточной конкретностью в силу того, что относительно каждого из них существуют полярные действия, обстоятельства, отношения, противопоставленные содержанию данным. Так, большинство сложных правовых понятий получает свое точное, конкретное определение во многом благодаря переносу скрытых, отличительных признаков объектов, явлений, хорошо известных общественному языковому сознанию.

Исследование метафоры в языке права с позиций ее гносеологического и прагматического потенциала является собой уникальную перспективу не только для

изучения когнитивных процессов и мышления, лежащих в основе порождения и постижения явлений правовой действительности, но и для определения функциональных возможностей данного лингвистического феномена в языке права, содействующих ориентации индивида в правовой сфере реальности.

Таким образом, проведенный в рамках исследования анализ позволяет заключить, что гносеологическая метафора представляет собой ядро лексического арсенала нормадателя. С помощью метафоры формируется понимание объекта правового регулирования, которое основано на архетипических моделях аксиологического характера. Прагматический потенциал метафоры, касающийся ее познавательной функции, является одним из главных критериев для использования этого лексического явления в качестве логико-языкового инструмента юридической техники. Метафора помогает создать более доступное представление о сложных юридических концепциях, что, в свою очередь, способствует лучшему пониманию и интерпретации правовых норм.

References / Список литературы

- Beresneva, N.I. (2017) Changing views of the role of metaphor in the cognitive process. *Context and Reflexion: Philosophy about the World and Man.* 6 (1A), 23–30. (in Russian). EDN: YRMDGAZ.
- Береснева Н.И. Изменение представления о роли метафоры в познавательном процессе // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6. № 1А. С. 23–30. EDN: YRMDGAZ.
- Boyd, R. (1993) Metaphor and theory change: What is “metaphor” a metaphor for? In Ortony, A. (ed.) *Metaphor and Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 481–532. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173865.023>
- Cherdantsev, A.F. (2012) *Logico-linguistic phenomena in jurisprudence*. Moscow, INFRA-M Publ. (in Russian). EDN: QSKLDB.
- Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография. М. : Норма: ИНФРА-М, 2012. 320 с. EDN: QSKLDB.
- Chernobel, G.T. (2017) *Ideology. Right. Law*. Moscow, Yurlitinform Publ. (in Russian). EDN: WFKANM.
- Чернобель Г.Т. Идеология. Право. Закон : монография. М. : Юрлитинформ, 2017. 245 с. EDN: WFKANM.
- Chudinov, A.P. (2001) *Russia in the metaphorical mirror: A cognitive study of political metaphor (1991–2000)*. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ. (in Russian).
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография. М-во образования Рос. Федерации. Ур. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001. 238 с.
- Dmitrieva, I.A. (2000) *Metaphor as a way of cognition: Logical and gnoseological status*. Diss ... cand. of Philosophical Sciences. Yakutsk, Yakutsk State University named after M.K. Ammosov. (in Russian). EDN: QDGVUD.
- Дмитриева И.А. Метафора как способ познания: логико-гносеологический статус : дис. ... канд. филос. наук. Якутск: Якут. гос. ун-т им. М.К. Аммосова, 2000. 196 с. EDN: QDGVUD.
- Ermolenko, G.A. (2001) *Metaphor in the language of philosophy*. Diss ... cand. of Philosophical Sciences. Krasnodar, Kuban State Technological University. (in Russian). EDN: QDKFZZ.
- Ермоленко Г. А. Метафора в языке философии : дис. ... канд. филос. наук. Краснодар : Кубанский гос. технологич. ун-т, 2001. 153 с. EDN: QDKFZZ.
- Fauconnier, G. & Turner, M.B. (1998) Conceptual Integration Networks. *Cognitive Science*. 22 (2), 133–187.

- Goryushina, Y.V. (2021) On the problem of realization of the cognitive function of law-making as a prerequisite for achieving certainty in positive law. *State-Law Studies*. (4), 166–173. (in Russian). <https://doi.org/10.20310/2658-5383-2021-4-166-173>. EDN: ZVJEJX.
- Горюшина Ю.В. О проблеме реализации познавательной функции правотворчества как предпосылке достижения определенности в позитивном праве // Государственно-правовые исследования. 2021. № 4. С. 166–173. <https://doi.org/10.20310/2658-5383-2021-4-166-173>. EDN: ZVJEJX.
- Gubaeva, T.V. (1996) *Word of mouth in jurisprudence*. Diss ... doctor of Legal Sciences. Kazan, Kazan State University. (in Russian).
- Губаева Т.В. Словесность в юриспруденции : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань : Казанский государственный университет, 1996. 340 с.
- Herder, J.G. (1985) *Über die neuere deutsche Literatur: Fragmente [On Modern German Literature: Fragments]*. Berlin/Weimar, Aufbau-Verlag Publ. (in German).
- Heidegger, M. (1970) *Phänomenologie und Theologie [Phenomenology and Theology]*. Frankfurt am Main, Klostermann Publ. (in German).
- Husserl, E. (2009) *Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy*. Trans. Mikhailov, A.V. Moscow, Academ. Project Publ. (in Russian).
- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. первая / пер. с нем. А.В. Михайлова ; вступ. ст. В.А. Куренного. М. : Академ. проект, 2009. 489 с.
- Johnson-Laird, P. (1988) Procedural semantics and psychology of meaning. In: Gerasimova, V.I. (ed.) Trans. Kobozev, I.M. *New in foreign linguistics. Issue 23: Cognitive Aspects of Language*. Moscow, Progress Publ., pp. 234–257. (in Russian).
- Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения / пер. с англ. И.М. Кобозева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка : сб. ст. / сост., ред. и вступ. ст. В.В. Петрова. М. : Прогресс, 1988. С. 234–257.
- Konstantinova, M.V. (2011) *Specificity of legal metaphor in an individual lexicon: an experimental study*. Diss ... cand. of Philological Sciences. Kursk, Kursk State University. (in Russian). EDN: QFPRZV.
- Константинова М.В. Специфика юридической метафоры в индивидуальном лексиконе: экспериментальное исследование : дис. ... канд. филол. наук. Курск : Курский гос. ун-т, 2011. 181 с. EDN: QFPRZV.
- Kornev, V.N. (2023) Pragmatics of the language of law. *Justice*. 5 (4), 8–17. (in Russian). <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2023.4.8-17> EDN: VQZQAT.
- Корнев В.Н. Прагматика языка права // Правосудие. 2023. Т. 5. № 4. С. 8–17. <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2023.4.8-17> EDN: VQZQAT.
- Kryukova, E.A. (2003) *Language and style of legislative acts*. Diss ... cand. of Legal Sciences. Moscow, Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation. (in Russian). EDN: NMGFPX.
- Крюкова Е.А. Язык и стиль законодательных актов : дис. ... канд. юрид. наук. Москва : Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2003. 139 с. EDN: NMGFPX.
- Kuliev, G.G. (1987) *Metaphor and scientific cognition*. Baku, Elm Publ. (in Russian).
- Кулиев Г.Г. Метафора и научное познание. Баку : Элм, 1987. 155 с.
- Lakoff, G. (2004) Metaphors by which we live. In: Baranov, A.N. (ed.) Trans. Baranov, A.N. & Morozova, A.V. Moscow, URSS Publ. (in Russian). EDN: QRAADX.
- Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой ; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М. : УРСС, 2004. 252 с. EDN: QRAADX.
- Mishankina, N.A. (2010) *Metaphor in science: paradox or norm?* Tomsk, Tomsk University Publishing House. (in Russian). EDN: RUTYDV.
- Мишианкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 282 с. EDN: RUTYDV.
- Ortega-i-Gasset, H. (1990) Two great metaphors. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds.) *Theory of Metaphor: a collection*. Moscow, Progress Publ., pp. 68–82. (in Russian).

- Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры: сборник / пер. с анг., фр., нем., яен., польск. яз. ; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. М. : Прогресс, 1990. С. 68–82.
- Petrov, V.V. (1985) Scientific metaphors: nature and mechanism of functioning. In: Bubenkov, Y.P. (ed.) *Philosophical bases of scientific theory*. Novosibirsk, Nauka Publ., pp. 196–200. (in Russian).
- Петров В.В. Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. Новосибирск: Наука, 1985. С. 196–200.
- Pigolkin, A.S. (ed.) (1990) *Language of the law*. Moscow, Jurid. lit. Publ. (in Russian). Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М., Юрид. лит., 1990. 192 с.
- Pirs, Ch.S. (2000) *Beginnings of Pragmatism*. Trans. Kiryushchenko, V. V. & Kolopotin, M. V. St. Petersburg, Laboratory of Metaphysical Research, Faculty of Philosophy, St. Petersburg State University Publ.; Aleteia Publ. (in Russian)
- Пирс Ч.С. Начала pragматизма / пер. с англ., предисл. В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина. СПб. : Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 352 с.
- Shepelev, A.N. (2002) *The language of law as an independent functional style*. Diss ... cand. of legal sciences. Tambov, Tambov State University named after G.R. Derzhavin. (in Russian). EDN: NMEDXT.
- Шепелев А. Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов : Тамбовский гос. ун-т, 2002. 217 с. EDN: NMEDXT.
- Turanin, V.Yu. (2017) *Legal terminology in modern Russian legislation (theoretical and legal research)*. Diss ... Dr. of Legal Sciences. Belgorod, Belgorod State National Research University (in Russian). EDN: JLXFEV.
- Туранин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-р юрид. наук. Белгород : Белгородский гос. нац. исследовательский ун-т, 2017. 437 с. EDN: JLXFEV.
- Vlasenko, N.A. (2022) *The language of law*. Moscow, Norma : INFRA-M Publ. (in Russian).
- Власенко Н.А. Язык права: монография. Репр. изд. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. 176 с.

Сведения об авторе:

Яроцук Инна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики, юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»); Российская Федерация, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

ORCID: 0000-0002-5604-549X; SPIN-код: 5556-9120

e-mail: yaroshchuk@bsuedu.ru

About the author:

Inna A. Yaroshchuk – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Forensic Science and Criminalistics, Law Institute, Belgorod State National Research University (NRU «BelsU»); Russian Federation, 308015, Belgorod, st. Victory, 85.

ORCID: 0000-0002-5604-549X; SPIN-code: 5556-9120

e-mail: yaroshchuk@bsuedu.ru